

Иллюстрации
Юлии
Гончаровой

Ганс Христиан Андерсен
Дочь болотного царя
СКАЗКИ

#эксмодетство
Москва
2025

УДК 821.113.4-93
ББК 84(4Дан)-44
А65

Андерсен, Ганс Христиан.
А65 Дочь болотного царя. Сказки / Ганс Христиан Андерсен ; иллюстрации Юлии Гончаровой ; [перевод с датского Анны и Петра Ганзен]. — Москва : Эксмо, 2025. — 188 с. : ил. — (Волшебный мир сказок. Большая коллекция).

ISBN 978-5-04-197214-1

В книгу вошло 16 необычных, удивительных сказок великого датского писателя Ганса Христиана Андерсена. «Дочь болотного царя», «Суп из колбасной палочки», «Ганс Чурбан», «Свинья-копилка», «Всему своё место» и другие чудесные истории публикуются в классическом переводе Петра и Анны Ганзен.

Иллюстрации Юлии Гончаровой.

УДК 821.113.4-93
ББК 84(4Дан)-44

ISBN 978-5-04-197214-1

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Под ивою

Окрестности Кёге довольно голы; правда, город лежит на самом берегу моря, а это уж само по себе красиво, но всё же окрестности могли бы быть покрасивее. А то куда ни обернёшься — плоское, ровное пространство, до леса не скоро доберёшься. Освоившись хорошенько с местностью, можно, впрочем, и тут напасть на такие красивые местечки, что потом будешь скучать о них даже в самом восхитительном уголке земного шара. Вот, например, на самой окраине города сбегали вниз, к быстрой речке, два простеньких, бедненьких садика, и летом здесь было прелесть как хорошо! Особенно для двух ребятшек: Кнуда и Йоханны, которые день-деньской играли тут; они были соседями и пролезали друг к другу сквозь кусты крыжовника, разделявшего их садики. В одном из садиков росла бузина, в другом — старая ива. Под ивою-то дети особенно и любили играть — им позволяли, хотя дерево и стояло почти у самой речки, так что они легко могли упасть в воду. Ну, да Господь Бог сам охраняет «малых сих», а не то было бы плохо! Впрочем, дети были очень осторожны, а мальчик, так тот просто боялся воды: другие ребятшки весело плещутся себе, бывало, в заливе, бегают по воде, шалят, а его и не заманишь туда. За то Кнуду и приходилось сносить немало насмешек; но вот Йоханне раз приснилось, что она плыла по заливу в лодке и Кнуд преспокойно пошёл к ней навстречу прямо по воде, а вода-то сначала была ему по шею, потом

же покрыла его с головой! Полно с тех пор Кнуду терпеть насмешки! Назовут его трусом, а он сейчас и вспомнит сон Йоханны — вон я какой храбрый! Очень он гордился своею храбростью, но от воды всё-таки держался подальше.

Бедняки-родители ребятишек были соседями, виделись друг с другом ежедневно, а Кнуд и Йоханна целыми днями играли вместе в садиках и на дороге, обсаженной по обеим сторонам, вдоль канав, ивами. Красотой эти ивы не отличались, верхушки их были обломаны, ну да они и стояли-то тут не для красоты, а для пользы. Старая ива в саду была куда красивее, и под нею ребятишки провели немало весёлых часов.

В Кёге есть большая площадь, и во время ярмарки на ней выстраивались целые улицы из палаток, в которых торговали лентами, сапогами и разною разностью. В эти дни здесь всегда бывала давка и суматоха и почти всегда шёл дождик; во влажном воздухе так и пахло крестьянскими кафтанами и — что куда приятнее — медовыми коврижками. Целая лавка битком бывала набита коврижками! Славно! А что ещё лучше — хозяин лавочки останавливался у родителей Кнуда, и мальчику, конечно, перепало всякий раз по коврижке, которую он сейчас же делил с Йоханной. Важнее же всего было то, что продавец коврижек умел рассказывать чудесные истории почти обо всякой вещи, даже о своих коврижках. Однажды вечером он и рассказал детям историю, которая произвела на них такое сильное впечатление, что они не могли забыть её никогда. Не мешает, пожалуй, и нам послушать её, тем более что она очень коротка.

— На прилавке лежало две коврижки, — рассказывал торговец. — Одна изображала кавалера в шляпе, другая — девицу без шляпы, но с полоской сусального золота¹ на голове. Лицо у них было только на одной стороне, и этой стороной они лежали кверху. С этой-то лицевой стороны на них и надо было смотреть, а отнюдь не с оборотной, и так следует смотреть и на всех людей вообще. У кавалера в левом боку торчала горькая миндалинка — это было его сердце, девица же была просто медовою коврижкой. Лежали они на прилавке как образцы, лежали долго, ну и полюбили друг друга, но ни тот ни другая ни гу-гу об этом, а так нельзя, если хочешь, чтобы любовь привела к чему-нибудь!

«Он мужчина и должен заговорить первый!» — думала девица, хотя и была бы довольна одним сознанием, что любовь её встречает взаимность.

¹ Сусальное зóлото — очень тонкая золотая фольга, используемая в декоративных целях.

Кавалер же, как и все мужчины, питал довольно кровожадные замыслы. Он представлял себе, что он — живой уличный мальчишка, в кармане у него четыре скиллинга¹, и вот он покупает девицу и съедает её!..

Так они лежали на прилавке дни за днями, недели за неделями и сохли; мысли девицы становились всё нежнее и женственнее. «Я довольна и тем, что лежу на прилавке рядом с ним!» — думала она и вдруг треснула пополам. «Знай она, что я люблю её, она, пожалуй, ещё продержалась бы!» — подумал он.

— Вот вам и вся история, а вот и сами коврижки! — добавил торговец сладостями. — Они замечательны историей своей жизни и своею немой любовью, которая никогда ни к чему не ведёт! Ну, возьмите их себе!

И он дал Йоханне уцелевшего кавалера, а Кнуду — треснувшую девицу. Рассказ, однако, так подействовал на детей, что они не могли решиться съесть влюблённую парочку.

На другой день они отправились с коврижками на кладбище; церковные стены были густо обвиты и летом и зимою чудеснейшим плющом —

¹ Скíллинг — старинная мелкая монета в Дании.

словно зелёный ковёр был повешен! Дети положили коврижки на травку, на самое солнышко, и рассказали толпе ребятишек историю немой любви, которая никуда не годится, то есть любовь, а не история. История-то была прелестна, все согласились с этим и поглядели на медовую парочку, но... куда же девалась девица? Её съел под шумок один из больших мальчиков — вот какой злой! Дети поплакали о девице, а потом — верно, из жалости к бедному одинокому кавалеру — съели и его, но самой истории не забыли.

Кнуд и Йоханна были неразлучны, играли то под бузиною, то под ивою, и девочка распевала своим серебристым, звонким, как колокольчик, голосом прелестные песенки. У Кнуда слуха не было никакого, зато он твёрдо помнил слова песни — всё-таки хоть что-нибудь! Горожане останавливались послушать Йоханну; особенно же восхищалась её голосом жена торговца скобяными изделиями.

— Соловьиное горлышко у этой малютки! — говорила она.

Да, славные то были денёчки, но не вечно было им длиться!.. Соседям пришлось расстаться: мать Йоханны умерла, отец собирался жениться в Копенгагене на другой и, кстати, рассчитывал пристроиться там посыльным при одном учреждении — должность, как говорили, была очень доходная. Соседи расстались со слезами; особенно плакали дети, но старики обещали писать друг другу по крайней мере раз в год. Кнуда отдали в учение к сапожнику — не пристало такому большому мальчику слоняться без дела! А потом его и конфирмовали¹.

Как хотелось ему в этот торжественный день отправиться в Копенгаген, повидать Йоханну! Но, конечно, он не отправился ни в этот день, ни потом, хотя Копенгаген и лежит всего в пяти милях от Кёге и в ясную тихую погоду через залив видны были столичные башни. В день же конфирмации Кнуд ясно видел даже золотой купол собора Богоматери.

Ах, как он скучал по Йоханне! А вспоминала ли о нём она?

Да! К Рождеству родители Кнуда получили письмо от её отца. В нём говорилось, что в Копенгагене им повезло и что серебряный голосок Йоханны сулит ей большое счастье. Она была уже принята в театр, где поют, и даже зарабатывала кое-что. Из заработка своего она и посылала дорогим соседям на рождественские удовольствия целый риксдалер²! Пусть в Кёге выпьют за её здоровье! В письме была и собственноручная приписка Йоханны: «Дружеский привет Кнуду!»

¹ Конфирма́ция — в западном христианстве обряд принятия в церковную общину подростков, достигших определённого возраста.

² Риксда́лер (ригсда́лер) — старинная денежная единица в Дании; 1 риксдалер = 96 скиллингов.

Все плакали от радости. У Кнуда только и дум было, что о Йоханне, а теперь выходило, что и она о нём думает! И вот чем ближе подходил срок его учению, тем яснее становилось, что он любит Йоханну; значит, она должна стать его женою! При этой мысли всё лицо его озарялось улыбкой, и он ещё усерднее продёргивал дратву, в то время как нога натягивала ремень. Он проколол себе шилом палец и даже не заметил! Уж он-то не будет молчать, как те коврижки, — их история научила его кое-чему.

И вот он подмастерье. Теперь — котомку на спину и марш в первый раз в жизни в Копенгаген! У него уже был там на примете один мастер. Вот Йоханна-то удивится и обрадуется ему! Ей уже теперь семнадцать лет, а ему девятнадцать.

Кнуд хотел было тут же, в Кёге, запастись золотым колечком для неё, да потом сообразил, что в Копенгагене можно купить получше. Простившись со стариками родителями, он бодро зашагал по дороге; пора стояла осенняя: дождь, непогода, листья с деревьев так и сыпались. Усталый, промокший до костей, добрался наконец Кнуд до столицы и до нового хозяина.

В первое же воскресенье он собрался навестить отца Йоханны, надел новое платье и в первый раз в жизни — новую шляпу, купленную ещё в Кёге; она очень шла к нему; до сих же пор он ходил всегда в фуражке. Вот Кнуд отыскал дом и поднялся вверх по лестнице. Сколько тут было ступенек! Просто голова кружилась при одной мысли о том, что люди могут жить так, почти на головах друг у друга.

Зато в самой квартире было уютно, и отец Йоханны встретил Кнуда очень ласково. Для хозяйки дома Кнуд был совершенно посторонним человеком, но и она подала ему руку и угостила чашкой кофе.

— Вот Йоханна-то обрадуется тебе! — сказал отец. — Ишь ты, каким молодцем стал! Ну, сейчас увидишь её! Да, вот так девушка! Она нас так радует и, бог даст, порадует ещё больше! У неё своя комната, она платит нам за неё!

И он очень вежливо, словно чужой, постучался в дверь дочки. Они вошли. Батюшки! Какая прелесть! Такой комнаты не нашлось бы во всём Кёге! У самой королевы вряд ли могло быть лучше! Тут были и ковёр, и длинные занавеси до самого пола, бархатный стул, цветы, картины и большое зеркало, в которое можно было с разбега ткнуться лбом, приняв его за дверь. Всё это сразу бросилось в глаза Кнуду, но видел он всё-таки одну Йоханну. Она стала совсем взрослою девушкой, но вовсе не такую, какую воображал её себе он, — куда лучше! Во всём Кёге

не сыскать было такой девушки. Какая она была нарядная, изящная! Но как странно взглянула она на Кнуда — точно на чужого. Зато в следующую же минуту она так и бросилась к нему, словно хотела расцеловать. Поцеловать — то она не поцеловала, но готова была. Да, очень она обрадовалась другу детства! Слёзы выступили у неё на глазах, а уж сколько вопросов она назадала ему — и о здоровье родителей его, и о бузине, и об иве, которых она звала, бывало, «матушкой» и «батюшкой», точно деревья были людьми. Впрочем, ведь смотрели же Кнуд с Йоханной когда-то и на коврижки как на людей. Йоханна вспомнила и о них, об их немой любви, о том, как они лежали рядом на прилавке и как девица треснула пополам. Тут Йоханна весело рассмеялась, а Кнуд вспыхнул, и сердце его так и застучало. Нет, она совсем не переменялась, не заважничала! И он отлично заметил, что это она заставила родителей попросить его остаться у них на целый вечер.

Йоханна разливала чай и сама подала Кнуду чашку, а потом принесла книгу и прочла им из неё кое-что вслух. И Кнуду показалось, что она прочитала как раз историю его собственной любви — так подходило каждое слово к его мыслям. Затем она спела простенькую песенку, которая, однако, превратилась в её устах в настоящую поэму; казалось, в ней вылилась вся душа Йоханны. Разумеется, она любила Кнуда! Слёзы текли по его щекам, он не мог справиться с собою, не мог даже слова выговорить. Самому ему казалось, что он выглядит таким глупым, но она пожала ему руку и сказала:

— У тебя доброе сердце, Кнуд! Оставайся таким всегда!

Что это был за чудный вечер! И мыслимо ли было заснуть после того? Кнуд так и не спал всю ночь. На прощание отец Йоханны сказал:

— Ну, не забывай же нас! Нехорошо, если и зима пройдёт, а ты к нам так и не заглянешь!

Значит, ему можно было опять прийти к ним в воскресенье; так он и решил сделать. Но каждый вечер по окончании работ — а работали они ещё долго и при огне — Кнуд отправлялся бродить по городу, заходил на улицу, где жила Йоханна, и смотрел на её окно. В нём почти всегда виднелся свет, а раз он увидал на занавеске её тень! Вот-то был чудный вечер! Жена его хозяйина, правда, не очень была довольна «такими вечерними прогулками», как она выражалась, покачивая головой, но сам хозяин только посмеивался:

— Э, пусть себе! Человек он молодой!

«В воскресенье мы опять увидимся, — размышлял Кнуд, — и я скажу ей, что она не выходит у меня из головы и потому должна быть моею

женой. Правда, я ещё бедный подмастерье, но могу сделаться и мастером, по крайней мере вольным мастером; я буду работать, стараться!.. Да, да, я скажу ей всё! Из немой любви ничего не выйдет! Я уж знаю это из истории о коврижках».

Воскресенье настало, и Кнуд явился к родителям Йоханны, но как неудачно! Все трое собирались куда-то — так и не пришлось ему сказать; Йоханна же пожалала ему руку и спросила:

— А ты был в театре? Надо побывать! Я пою в среду, и, если ты свободен вечером, я пришлю тебе билет. Отец знает, где живёт твой хозяин.

Как это было мило с её стороны! В среду Кнуд получил запечатанный конверт, без всякого письма, но с билетом. Вечером Кнуд в первый раз в жизни отправился в театр. Кого же он увидал там? Йоханну! И как она была прелестна, обворожительна! Правда, она выходила замуж за какого-то чужого господина, но ведь это же было только так, представление. Кнуд отлично знал это, иначе разве она прислала бы ему билет на такое зрелище? Народ хлопал в ладоши, кричал, и Кнуд тоже закричал «ура».

Сам король улыбнулся Йоханне, как будто и он обрадовался ей. Каким маленьким, ничтожным показался теперь самому себе Кнуд! Но он так горячо любил её, она его тоже, а первое слово ведь за мужчиной — так думали даже коврижки. О, в той истории было много поучительного!

Как только настало воскресенье, Кнуд пошёл к Йоханне; он был в таком настроении духа, словно шёл причащаться. Йоханна была дома одна и сама отворила ему дверь; случай был самый удобный.

— Как хорошо, что ты пришёл! — сказала она ему. — Я чуть было не послала за тобой отца. Но у меня было предчувствие, что ты придёшь сегодня вечером. Дело в том, что я уезжаю в пятницу во Францию. Это необходимо, если я хочу стать настоящей певицей.

Комната завертелась перед глазами Кнуда, сердце его готово было выпрыгнуть из груди, и хотя он и не пролил ни одной слезы, видно было, как он огорчён. Йоханна заметила всё и чуть не расплакалась сама.

— Верная, честная ты душа! — сказала она.

И тут уж язык у Кнуда развязался, и он сказал ей всё, сказал, что горячо любит её и что она должна выйти за него замуж. И вдруг он увидал, что Йоханна побледнела. Она выпустила его руку и сказала ему печально и очень серьёзно:

— Не делай ни себя, ни меня несчастными, Кнуд! Я всегда буду для тебя верною, любящею сестрою, но... не больше! — И она провела свою мягкою ручкой по его горячему лбу. — Бог даёт нам силы перенести многое, если только мы сами хотим того!

В эту минуту в комнату вошла её мачеха.

— Кнуд просто сам не свой оттого, что я уезжаю! — сказала Йоханна. — Ну, будь же мужчиной! — И она потрепала его по плечу, как будто между ними только и разговору было, что о её отъезде. — Дитя! — прибавила она. — Ну, будь же паинькой, как прежде под ивою, когда мы оба были маленькими!

Но Кнуду казалось, что мир рушится, а собственные мысли его, как разорванные нити, ветер треплет туда и сюда. Он остался сидеть, хоть и не знал, просили ли его остаться. Хозяева были с ним, впрочем, очень милы и приветливы. Йоханна опять угощала его чаем и пела — хотя и не по-прежнему, но всё же очень хорошо, так что сердце Кнуда просто разрывалось на части. И вот они расстались. Кнуд не протянул ей руки, но она сама схватила его руку и сказала:

— Дай же на прощание своей сестре руку, мой милый товарищ детства! — И она улыбнулась ему сквозь слёзы и шепнула: — Мой брат!

Нашла тоже чем утешить его! Так они и расстались.

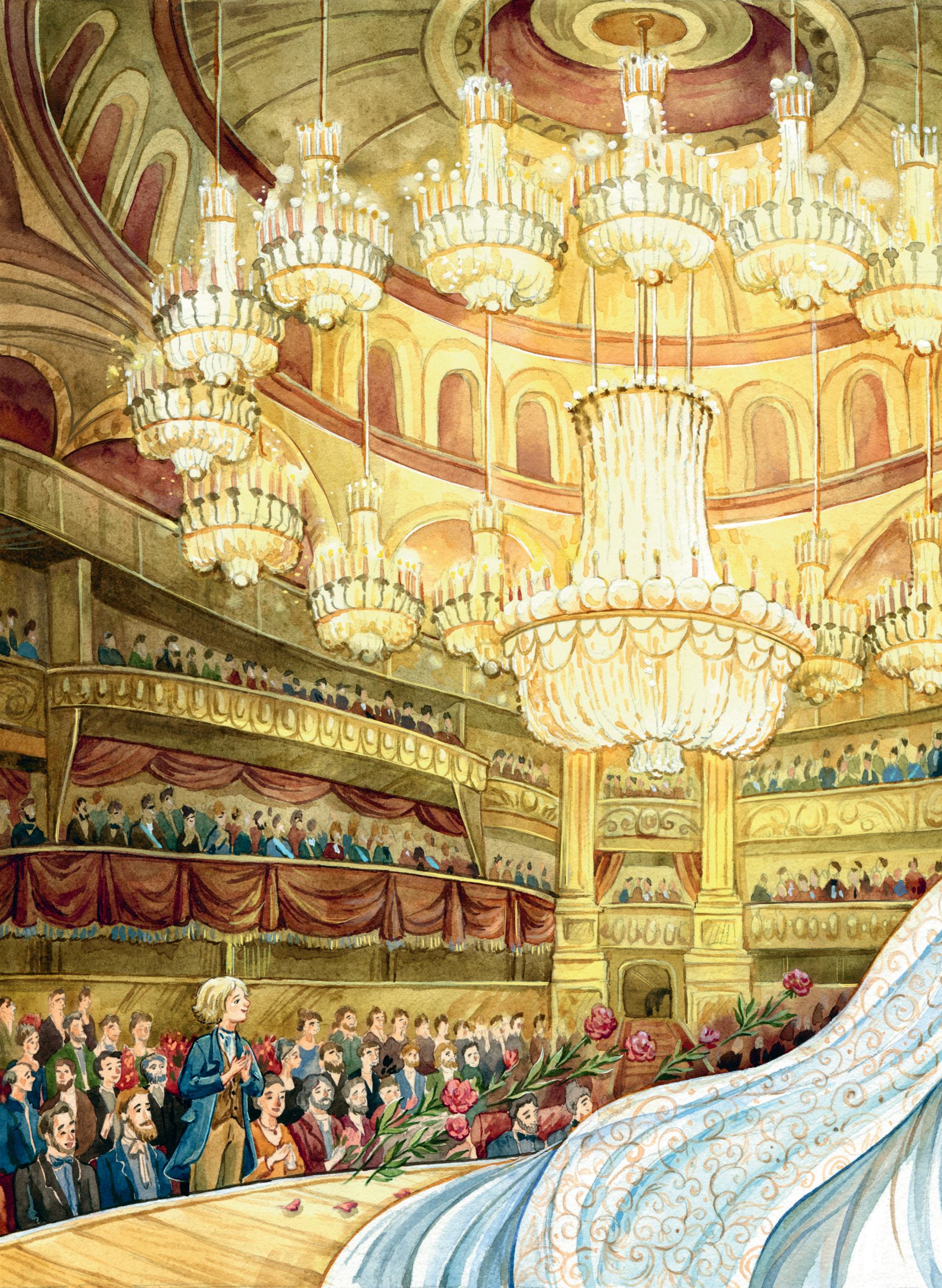
Йоханна отплыла во Францию, а Кнуд по-прежнему бродил вечерами по грязным улицам города. Другие подмастерья спрашивали его, чего это он всё философствует, и звали его пойти с ними повеселиться — ведь и в нём небось кипит молодая кровь.

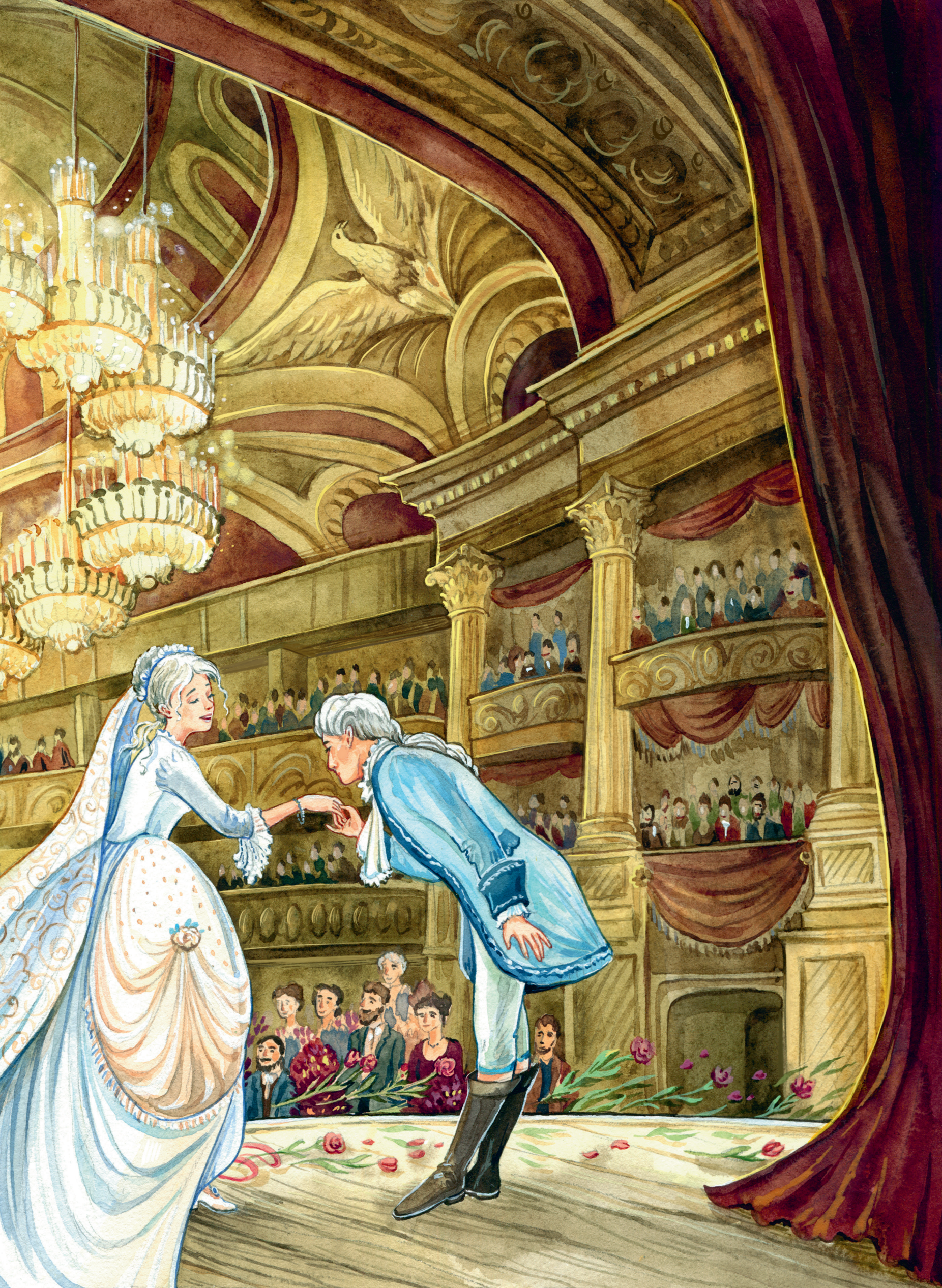
И вот однажды он пошёл с ними потанцевать. Он увидел много красивых девушек, но ни одной такой, как Йоханна, не было. И тут-то как раз, где он думал забыть её, она не выходила у него из головы, стояла перед ним, как живая. «Бог даёт нам силы перенести многое, если только мы сами хотим того!» — сказала она ему, и душою его овладело серьёзное, торжественное настроение, он даже сложил руки, как на молитве, а в зале визжали скрипки, кружились пары... И он весь затрепетал: в такое место ему не следовало бы водить Йоханну — она всегда ведь была с ним, в его сердце! И он ушёл, пустился бежать по улицам к тому дому, где она жила. В окнах было темно, кругом тоже темно, пусто, безотрадно... И никому не было дела до Кнуда; люди шли своею дорогою, а он своею.

Настала зима, реки замёрзли, природа словно готовилась к смерти.

Но с наступлением весны и открытием навигации Кнуда охватило вдруг тоскливое желание уйти отсюда, бежать куда глаза глядят — только не во Францию.

И вот он вскинул котомку на спину и пошёл бродить по Германии, переходя из одного города в другой, не зная ни отдыха, ни покоя. Только в старинном прекрасном городе Нюрнберге тоска его как будто затихла немного и он смог остановиться.

Нюрнберг — диковинный город, словно вырезанный из старинной книжки с картинками. Улицы идут, куда и как хотят сами, дома не любят держаться в ряд, повсюду выступы, какие-то башенки, завитушки, из-под сводов выглядывают статуи, а с высоты диковинных крыш сбегают на улицы водосточные желоба в виде драконов или собак с длинными туловищами.

Кнуд стоял с котомкою за плечами на нюрнбергской площади и смотрел на старый фонтан, на его библейские и исторические фигуры, орошаемые брызгами воды. К фонтану подошла зачерпнуть воды красивая девушка; она дала Кнуду напиться и подарила розу — в руках у неё был целый букет роз. Кнуд счёл это добрым предзнаменованием и решил остаться в городе.

Из церкви доносились до него могучие звуки органа; что-то знакомое, родное слышалось в них — как будто они неслись из кёгской церкви. И он зашёл в величественный собор. Солнышко светило сквозь расписные стёкла окон, играло на стройных, высоких колоннах, и душой Кнуда овладело тихое, благоговейное настроение.

Скоро он нашёл себе хорошего хозяина, стал работать и учиться языку.

Рвы, окружавшие город в старину, давно были превращены жителями в маленькие огороды, но каменные крепостные стены с башнями возвышались ещё по-прежнему. Канатный мастер вил свои канаты в старой бревенчатой галерее, тянувшейся вдоль одной из стен. Изо всех щелей и дыр галереи росла бузина; она свешивала свои ветви к маленьким, низеньким домикам, уютившимся внизу, а в одном-то из них как раз и жил хозяин Кнуда. Ветви бузины лезли прямо в окошко его каморки, помещавшейся под самою крышей.

Кнуд прожил тут лето и зиму, но когда пришла весна, здесь стало невыносимо: бузина зацвела, и аромат её так напоминал Кнуду его родину и сад в Кёге, что он не выдержал и перебрался от своего хозяина к другому, жившему ближе к центру города, — тут уж бузины не было.

Новый хозяин жил возле старого каменного моста, перекинутого через бурную речку, словно ущемлённую между двумя рядами домов; прямо против дома стояла вечно шумящая водяная мельница. У всех домов были балконы, но такие старые и ветхие, что дома, казалось, только и ждали удобной минуты, чтобы стряхнуть их с себя в воду. Тут, правда, не росло ни единого кустика бузины, на окнах не виднелось даже цветочных горшков с какой-нибудь зеленью, зато перед самыми окнами стояла большая, старая ива! Она словно цеплялась за дом, чтобы не свалиться

в реку, и свешивалась к воде своими гибкими ветвями — точь-в-точь как ива в саду в Кёге.

Кнуд убежал от «матушки» и наткнулся на «батюшку»! Дерево это, особенно лунными вечерами, казалось Кнуду таким родным, таким знакомым!

Но дело-то было вовсе не в лунном свете, а в старой иве.

И тут Кнуду стало невтерпёж, а почему? Спросите иву, спросите цветущую бузину! Кнуд распростился с хозяином и с Нюрнбергом и пошёл дальше.

Ни с кем не говорил он о Йоханне, глубоко в сердце схоронил он своё горе; история же о двух коврижках приобрела теперь для него особенно глубокое значение. Теперь он понял, почему у кавалера сидела в груди горькая миндалиνα: и у него самого вся душа была отравлена горечью; Йоханна же, всегда такая ласковая, приветливая, была просто медовой коврижкой!.. И ему стало не по себе; должно быть, ремень котомки слишком давил ему грудь, трудно было дышать. Он ослабил ремень, но толку не вышло: окружающий его мир давно ведь уже как-то сузился для него, как бы убавился на целую половину, и эту-то половину Кнуд носил в себе — вот оно что! Вот отчего ему было так тяжело.

Только при виде высоких гор он почувствовал, что на сердце у него стало как будто полегче, границы света опять как будто расширились,

